

АПОДАОНЪ

АПОЛЛОНОВСКИЙ СБОРНИК

Под редакцией
П. В. Дмитриева

Санкт-Петербург
Издательство «Реноме»
2015

УДК 82.09
ББК 83.3(2)53
А76

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»*

ISBN 978-5-91918-561-1

- © Авторы статей, 2015
- © Л. Е. Миллер, художественное оформление, 2015
- © Издательство «Реноме», 2015

Статья Г. Чулкова о журнале «Весы»
в контексте литературной полемики «Аполлона»
1910 года

Александра Чабан

В истории издания журнала «Аполлон» редкий период обошелся без полемики¹. Наделавшая шуму рецензия Г. Чулкова «Весы» (Аполлон. 1910. № 7) тем самым является далеко не исключением. Однако именно на ее примере наглядно прослеживаются как историко-литературный контекст, так и формирующаяся эстетическая позиция редакции центрального петербургского журнала 1910-х годов.

В декабре 1909 года вышел последний номер флага символизма, журнала «Весы». Освободившуюся литературную трибуну спешили занять новые периодические издания. Если в Москве только еще обдумывалась возможность организации нового журнала (о чем активно вели переписку А. Белый и Э. Метнер²), то в Петербурге такой журнал уже появился: в конце октября 1909 года вышел первый номер «Аполлона».

¹ См.: *Дмитриев П. В.* В ожидании гимна Аполлону // *Дмитриев П. В.* «Аполлон» (1909–1918): Материалы из редакционного портфеля. СПб., 2009; *Лавров А. В.* А. Вольнский и журнал «Аполлон» // *Лавров А. В.* Русские символисты: Этюды и разыскания. М., 2007; *Анненский И. Ф.* Письма к С. К. Маковскому / Публ. А. В. Лаврова и Р. Д. Тименчика // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год.* Л., 1978. С. 222–241.

² См.: *Лавров А. В.* Русские символисты: Этюды и разыскания. С. 499–514.

Стремясь подчеркнуть свою преемственность по отношению к авторитетному московскому журналу, редакция «Аполлона» уже в начале 1910 года задумывает цикл посвященных ему статей. Н. Гумилев назначается на освещение поэзии в «Весех», М. Кузмин должен был написать о прозе «Весов», бар. Н. Врангель — о художественном отделе журнала. Г. Чулкову редакция поручила написать обзорную рецензию³.

В седьмом (апрельском) номере 1910 года, однако, в свет вышла только статья Чулкова, за которой последовала отрицательная реакция со стороны бывших участников «Весов», в частности — В. Брюсова. Поводов для негодования было достаточно: официально-почтительный тон Чулкова нередко сменялся на саркастический, критик упрекал журнал в высокомерии, однообразности и самоповторении, и более того: в заключительных абзацах статьи Чулков обвинил Брюсова в том, что тот бросил журнал на произвол судьбы еще в 1906 году, после чего в «Весех» воцарились хаос и истерика: «Книжки “Весов” за последние два-три года — любопытный документ, из которого мы узнаем, между прочим, чем характеризовалась русская истерика начала XX века. Пересмотрите журнал за эти годы: сколько странных противоречий, смешных восклицаний, сколько бессильной и неумной полемики...»⁴. В финале статьи Чулков назвал редакцию «Весов» не только полной истерии, но и мертвой, полной призрачных подражателей Брюсова, а сам журнал, который всегда считался идеологическим центром символизма, лишенным идейной целостности⁵.

³ В письме от 9 июня 1910 г. Зноско-Боровский сообщает Маковскому об отказе еще одного предполагаемого участника проекта, К. Сюннерберга: «Сюннерберг о “Весех” писать не хочет» (РНБ. Ф. 124. Ед. хр. 1770. Л. 1).

⁴ Чулков Г. Весы // Аполлон. 1910. № 7. С. 19. См. также Приложение (С. 25–34 наст. изд.).

⁵ «С тех пор, как влияние Брюсова стало незаметным, с тех пор, как вместо живого человека, с кровью и плотью, в журнале стали по-

Брюсов написал не одно резкое письмо редактору «Аполлона», С. Маковскому, и секретарю, Е. Зноско-Боровскому, а после составил коллективное протестное письмо от всей бывшей редакции «Весов» и настоятельно требовал опубликовать его в журнале: «Само собой разумеется, что отказ редакции “Аполлона” напечатать наше письмо повлечет за собою отказ всех, подписавшихся под письмом, от дальнейшего участия в “Аполлоне”»⁶, — излагал Брюсов свою позицию. Зноско-Боровский в свою очередь подробно пересказывал Чулкову обстоятельства нагнетающегося скандала: «Дорогой Георгий Иванович, еще ничего не напишу Вам об эффекте Вашей статьи о “Весях”, так как дело находится в самом развитии: мы получили письмо от Брюсова и иже с ним (Белый, Ликиардопуло, Садовской, Эллис) с протестом против статьи. Теперь идут разные переговоры. Сообщу, когда что прояснится»⁷.

Маковский и Зноско-Боровский всячески старались урезонить разгневанного мэтра, представив произошедшее как нелепый казус, однако не шли на уступки Брюсову, и коллективное письмо так и не вышло на страницах «Аполлона». Вместо этого в следующем номере было напечатано небольшое примечание от редакции, в котором сообщалось, что

являться фантомы, повторяющие мертвыми устами мертвые формулы, — журнал перестал быть интересным и значительным; не было уже ни живой личности, ни идейной целостности» (Чулков Г. Весы. С. 19–20). Подробнее см. в Приложении.

- ⁶ Письмо В. Брюсова к Е. Зноско-Боровскому (приблизительно начало июня 1910 г.) // РНБ. Ф. 124. Ед. хр. 675. Л. 3. О взаимоотношениях Брюсова с журналом «Аполлон» см. также нашу статью: Чабан А. В. Брюсов в «Аполлоне» // Десятая Международная летняя школа по русской литературе / Под ред. А. Кобринского. СПб., 2014. С. 245–265. Недавно в свет вышла переписка В. Брюсова с С. Маковским и Е. Зноско-Боровским: Лавров А. В. Валерий Брюсов и журнал «Аполлон». Переписка с С. К. Маковским и Е. А. Зноско-Боровским // Лавров А. В. Символисты и другие. Статьи. Разыскания. Публикации. М., 2015. С. 673–730.
- ⁷ Письмо Е. Зноско-Боровского к Г. Чулкову // РГБ. Ф. 386. Карт. 84. Ед. хр. 61. Л. 3.

статья Чулкова о «Весакх» не являлась редакционной, а выражала лишь мнение самого автора⁸.

Казалось бы, произошедшее должно было навсегда разорвать и без того непрочные узы, связывающие Брюсова и «Аполлон», однако финал этой истории сложился иначе: как только улегся скандал со статьей Чулкова, Брюсов неожиданно смягчается и начинает всячески поддерживать «Аполлон».

В этой истории есть много неразрешенных вопросов. Первый из них очевиден: почему именно Чулкову поручили написать рецензию на «Весы»?

Всем современникам, более или менее разбирающимся в литературном процессе 1900–1910-х годов, такой выбор показался бы весьма странным, поскольку взаимная неприязнь Чулкова и «Весов» была известна писательскому кругу. С середины 1900-х годов главный идеолог «мистического анархизма» периодически подвергался критике на страницах главного журнала символистов⁹ и признавался,

⁸ «Подтверждая еще раз сделанное в № 2 заявление, что ни одна статья, помещаемая в “Аполлоне” не является редакционной, если это не оговорено, Редакция считает долгом отметить, что статья Г. И. Чулкова, посвященная журналу “Весы” (№ 7), должна рассматриваться только как личная (Г. И. Чулкова) характеристика одной из сторон деятельности названного журнала. Эта статья лишь случайно появилась первой из целого ряда намеченных статей о “Весакх”. Признавая громадное значение “Весов”, питая к этому журналу глубокое уважение и сохраняя самую светлую память о нем, Редакция в ближайшем будущем осуществит свое намерение (высказанное в том же № 7) — всесторонне осветить всю незабываемую и ценную его деятельность. Это заявление вызвано письмом в Редакцию, подписанным группой сотрудников “Весов”, по поводу упомянутой выше статьи Г. И. Чулкова» (От Редакции // Аполлон. 1910. № 8. Отд. II. С. 72).

⁹ См., к примеру, напечатанные в «Весакх» статьи Антона Крайнего <З. Гиппиус> «Иван Александрович — неудачник» (1906. № 8), «Трихина» (1907. № 5); Аврелия <В. Брюсова> «Вехи V. Мистические анархисты» (1906. № 8), «Новые переводы Верхарна» (1906. № 9); Андрея Белого «Цветник Ор» (1907. № 6), «Проталина» (1907. № 7) и др.

что охотно бы написал подобающий ответ своим литературным оппонентам: «Если у меня явится подходящее настроение, я напишу что-нибудь по поводу неумности и реакционности (в глубоком смысле) руководителей “Весов” — напишу что-нибудь насмешливое»¹⁰. Очевидно, что рецензия Чулкова на «Весы» априори гарантировала негативную оценку деятельности Брюсова и других членов редакции¹¹.

Однако в переписке Маковского и Зноско-Боровского этот коварный умысел не усматривается. В письме от 6 февраля 1910 года Маковский говорит о Чулкове как о штатном сотруднике, а о будущей статье как о важном, но отнюдь не провокационном явлении: «<Статья> Чулкова о “Весях” (сделали? ее необходимо набирать *корпусом*, ибо она должна иметь общее литературное значение: итоги “Весов” — не шутка)»¹². Заметим, что корпусом набирались

¹⁰ Письмо Г. Чулкова к С. Соколову от 29 октября 1906 г. Цит. по: Литературное наследство. М.: Наука, 1982. Т. 92, кн. 3. С. 270.

¹¹ Аналогичный случай уже происходил в полемической практике Чулкова с редакцией «Весов» и Брюсовым в частности. В предыдущем случае редактор С. Соколов выполнил свои прямые обязанности и предупредил автора о возможных последствиях: «Ваша рецензия о Брюсове — весьма остроумна и дьявольски ядовита. Меня только вводит в сомнение то место ее (я его выписал и прилагаю), где трактуется о “потомст<венном> почет<ном> гражданине” и о “наполеоновской” позе. Боюсь я того, как бы из этих строк инспирации г. Брюсова не подняли бури среди г. г. писателей, для коих, как убеждаюсь, литературная этика повернута к “Перевалу” железным концом. <...> Что это место в высшей степени метко бьет в цель, в этом для меня нет сомнения, но что оно может быть “чревато последствиями”, — тоже опасаясь.

Помыслите об этом и, если помывлив, согласитесь с моими опасениями, как-нибудь измените и пришлите скорее» (Письмо С. А. Соколова к Г. И. Чулкову от 5 февраля 1907 г. Цит. по: Литературное наследство. Т. 92, кн. 3. С. 269–270).

¹² Письмо С. Маковского к Е. Зноско-Боровскому // РНБ. Ф. 124. Ед. хр. 2645. Л. 5.

только редакционные или, по крайней мере, самые значительные статьи, составляющие основной раздел журнала, так что будущие заверения Маковского относительно того, что статья выражала мнение одного Чулкова, были лукавством.

Стоит также упомянуть, что рассматриваемая заметка Чулкова — не первое его печатное выступление в «Аполлоне», тем самым автор не был специально приглашен с целью дискредитации «Весов».

Кроме того, Сергей Маковский, критик искусства, часто выполнявший в журнале роль организатора, занимавшегося поиском субсидий для журнала и проведением художественных выставок, действительно, мог быть не в курсе всех литературных хитросплетений и не знать о взаимной неприязни Чулкова и «Весов». Почти во всех литературных делах Маковский полагался на мнение своих ближайших сотрудников, секретаря Е. А. Зноско-Боровского и будущего «куратора» литературного отдела Н. Гумилева.

Соблазнительно предположить, что остальные члены редакции намеренно промолчали. Как полагали современники, Гумилев довольно часто стремился проводить в журнале свою линию¹³, не зависимо от мнения главного редактора. Однако в этот период Гумилев по большей части занимался личными хлопотами: только вернулся из африканского путешествия, а 25 апреля состоялась долгожданная свадьба с Ахматовой, чему предшествовал ряд деловых поездок.

¹³ Этот факт не укрылся от внимания современников. К примеру, И. Игнатъев так разоблачал поэта: «Конечно, гумилевские “манипуляции” и тоньше, и обдуманней, и дипломатичней. Дипломатичностью и можно только объяснить невпуск Гумилевым Сергея Городецкого на столбцы “Аполлона”, поэзным корифеем коего является Аякс второй — Н. Гумилев» (*Игнатъев И.* Литературные тени. О «поэзии дня». О «цехе поэтов». О «кубизме», «эго-футуризме» и «футуризме» // Нижегородец. 1913. 8 февр. С. 5).

Вероятно, стоит остановиться на мысли о «роковом» стечении обстоятельств, в результате которых Чулкову была поручена статья. Позже именно на это сетовал Маковский в письме Брюсову: «В журнальном мире я достаточно человек “новый”, чтобы не всегда разбираться во всех недружелюбиях, которые меня окружают. Чистосердечно сознаюсь в этом. Если бы я мог себе представить, что доставлю Вам такую неприятность, пропуская статью Г. Чулкова (если бы кто-нибудь из печатавших эту статью предупредил меня), то, конечно, она бы не была напечатана»¹⁴.

Примечательно, что и Н. Гумилев постарался на всякий случай заочно оправдать свое неучастие в данном предприятии: в разгар событий вокруг рецензии 9 июля 1910 года Гумилев пишет письмо Брюсову, в котором аккуратно обходит эту тему¹⁵, поясняя в следующем письме (2 сентября 1910 г.): «Относительно “Аполлона” я хочу Вас предупредить, что хотя я считаю его ближайшим сотрудником, но влияние (и то только некоторое) имею лишь на отдел стихов, статьи же, рассказы и хронику читаю только по выходе номера»¹⁶.

Следующий вопрос не менее очевиден: как протекал редакторский процесс работы над рецензией Чулкова и кто ответственен за столь, казалось бы, неосмотрительную публикацию?

В цитированном письме Зноско-Боровскому не ясно, читал ли Маковский статью, но в письме к Брюсову Маковский признает это: «Давая право Чулкову высказаться о “Весах” наравне с другими (как постоянному сотруднику), я не мог помешать ему коснуться и того явления, которое

¹⁴ Письмо С. Маковского к В. Брюсову от 16 июля 1910 г. // РГБ. Ф. 386. Карт. 97. Ед. хр. 27. Л. 6–7.

¹⁵ Переписка с Н. С. Гумилевым (1906–1920) / Вступ. статья и коммент. Р. Д. Тименчка и Р. Л. Щербакова // Лит. наследство. М.: Наука, 1991. Т. 98, кн. 2. С. 498.

¹⁶ Там же. С. 500.

он называет в конце концов невинным словом “истерика” <...>. Я мог только настаивать на том, чтобы никто из его бывших “обидчиков” не был назван»¹⁷. Всю ответственность за публикацию редактор также взял на себя, сетуя отчасти на нерасторопность других рецензентов: «Мои намерения всегда были и остаются самыми лучшими по отношению к “Весам”. Не моя вина, если в мое отсутствие никто из авторов обещанных статей не доставил к сроку (они появятся только осенью) и была напечатана одна статья Чулкова. Я очень скорблю об этом, очень! Однако вся ответственность в случившемся — на мне: могу ли я дать место в журнале письму (коллективному протестному письму. — А. Ч.) <...> когда я сам допустил его (Чулкова. — А. Ч.) статью к печати? Согласитесь, Валерий Яковлевич, что с этической точки зрения, это невозможно»¹⁸.

Неожиданно провокационное звучание статьи Чулкова Маковский объясняет лишь тем, что остальные авторы, Гумилев, Кузмин и бар. Врангель не успели написать свои статьи в срок, а на их фоне статья Чулкова потеряла бы большую часть своей остроты. Таким образом, если даже допустить, что Чулкову по неосмотрительности доверили написание статьи, то ее выход, сопровождавшийся не одной редакционной читкой, был уже шагом весьма осмысленным, как бы это ни подавалось в письме к Брюсову.

¹⁷ Письмо С. Маковского к В. Брюсову от 16 июля 1910 г. // РГБ. Ф. 386. Карт. 97. Ед. хр. 27. Л. 6–7.

¹⁸ Там же. См. также письмо Зноско-Боровского к Брюсову от 26 мая 1910 г., где секретарь также твердо отказывает поэту в возможности напечатать протестное письмо: «Многоуважаемый Валерий Яковлевич, Ваше последнее письмо огорчило меня <...> Оговариваюсь, я пишу только свое мнение, и не знаю, как отнесется Серг. Конст. ко всему делу, равно как и к моим этим письмам, но будь я редактором, я бы не поместил письма <...>. Я говорил об этом с теми немногими, которые знают “Письмо в редакцию” и которых нельзя подозревать во вражде к “Весам”, — и они сами высказывают это и очень настойчиво» (ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 86. Л. 61).

Именно к этому апеллировал сам Чулков, не ожидавший столь серьезного резонанса по выходе своей статьи. «Я очень рад, что все ближайшие сотрудники “Аполлона” ознакомились с моей статьей до напечатания и моя точка зрения на “Весы” не показалась им столь ужасной, как этим “протестантам”. Ведь этот “протест” так же глуп, как протест москвичей художников, обиженных на А. Н. Бенуа... О, гнусная провинция!

Сознаюсь, что я не ожидал, что москвичи решатся на новую демонстрацию и столь нелепую: я предупреждал “Аполлон”, но, по правде сказать, делал это скорее по соображениям крайней осторожности, а не руководствуясь мыслью о возможности “протеста”»¹⁹, — заявлял Чулков Зноско-Боровскому.

Что касается членов редакции, то они горячо поддержали озадаченного критика. Так, Зноско-Боровский в недатированном письме заверяет Чулкова: «Дорогой Георгий Иванович, будьте совсем спокойны, мы Вас в обиду никак не дадим, более того, выпады москвичей можно расценивать как выпады не против Вас лично, а против всей редакции и вообще Петербурга»²⁰.

Замечание Зноско-Боровского о наметившейся конфронтации между двумя культурными столицами весьма ценно, поскольку, как кажется, действительно показывает наметившееся направление смены литературных центров: московских «Весов» петербургским «Аполлоном».

¹⁹ Письмо Г. Чулкова к Е. Зноско-Боровскому от 03.06.1910 // РНБ. Ф. 124. Ед. хр. 2609. Л. 3. Конфликт московских художников с А. Бенуа произошел в феврале-марте 1910 г. после публикации в газете «Речь» «Художественных писем», где Бенуа дал критическую оценку деятельности «Союза русских художников». Не согласившиеся с его мнением московские живописцы выразили письменный протест, результатом которого стал уход почти всех петербургских художников из СРХ.

²⁰ Письмо Е. Зноско-Боровского к Е. Чулкову Г. [Б. д.] // РГБ. Ф. 386. Карт. 84. Ед. хр. 61. Л. 2.

Москвичи не хотели терять свой приоритет, поэтому так активно боролись за свое доминирование на литературном Олимпе.

С другой стороны, «аполлоновцы», хотя и весьма оригинально отстаивали версию случайности произошедшего, никак не сдавали своих позиций и не публиковали Брюсовское опровержение статьи Чулкова. Как уже упоминалось, редакция ограничилась весьма незначительным объявлением, что статья Чулкова выражает позицию автора и не является редакционной. Брюсова эта заметка также не устроила: «Я прочел то замечание от редакции, которое Вы нашли возможным написать... Если признаваться откровенно, оно меня несколько не удовлетворило. Из того, что статья Чулкова “не редакционная”, еще никак не следует, что редакция с ней не согласна»²¹.

Брюсов, как кажется, был здесь абсолютно прав. Как уже было замечено по поводу письма Маковского Зноско-Боровскому, статья предполагалась именно как редакционная (в любом случае, помещение ее в основном отделе журнала, свидетельствует о ее значимости), и ее содержание, при всех своих особенностях, также соответствовало духу «Аполлона», позиционировавшего себя как журнал более прогрессивных эстетических взглядов, чем символистские. Уже в январе 1910 года в журнале вышел своеобразный манифест, заявивший об этом, — статья М. Кузмина «О прекрасной ясности». В феврале сам Маковский сообщает Брюсову об усиливающемся в редакции «новом литературном движении»²². Так что обсуждение места и правоты Чулкова носило весьма принципиальный характер и для «аполлоновцев».

²¹ Письмо В. Брюсова к С. Маковскому // РГБ. Ф. 386. Карт. 71. Ед. хр. 76. Л. 2.

²² Письмо С. Маковского к В. Брюсову от 19 февраля 1910 г. // ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 97. Ед. хр. 27. Л. 5.

Последний вопрос — почему же эта история не положила конец творческим связям Брюсова и редакции «Аполлона», а, наоборот, способствовала сближению с журналом, также немного проясняется благодаря изучению переписки.

Как ни странно, но уже в третий месяц (середина июля) переговоров по поводу статьи Чулкова возражения Брюсова меняются: негодование по поводу притеснений символистов сменяются личными претензиями о своем неоднозначном положении в журнале: «Я должен сказать, что вообще мое положение в “Аполлоне” довольно двусмысленно. С одной стороны, некоторые из сотрудников, по видимому, ко мне расположенные, сравнивают в своих статьях меня с Петром Великим (что более комично, чем почетно). С другой, все серьезные руководящие статьи журнала решительно направлены против меня (я считаю таковыми статьи Анненского, Чулкова, Иванова)»²³.

Перечень обидчиков Брюсова теперь пополнился новым именем. За трехмесячный период споров по поводу статьи Чулкова в свет успел выйти очередной номер «Аполлона» со статьей Вяч. Иванова «Заветы символизма»²⁴. Его статья, вопреки заявлению Брюсова, не содержала никаких нападок на самого московского мэтра или его творчество. В целом позицию Иванова можно рассматривать как аполигию мистицизма и теургии внутри символистского течения. Однако именно такое положение вещей было к тому времени уже совершенно неприемлемым для Брюсова и могло быть расценено им как сигнал для мобилизации.

Дальновидный стратег, Брюсов, по всей видимости, очень хорошо осознал раскол внутри символистского течения,

²³ Письмо В. Брюсова к С. Маковскому // РГБ. Ф. 386. Карт. 71. Ед. хр. 76. Л. 2. Цитируемое письмо также опубликовано: Богомолов Н. А., Кузнецова О. А. Переписка В. И. Иванова с С. К. Маковским // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 158.

²⁴ Иванов В. И. Заветы символизма // Аполлон. 1910. № 8. С. 5–20.

обнаружившийся к этому времени. Статья символиста Чулкова при этом оказалась важным первым звонком. Теперь же статья Иванова подкрепляла эту мысль. Поэтому, по всей видимости, Брюсов и отходит от борьбы за идею жизнеспособности и целостности символизма, как раньше, и начинает заботиться исключительно о собственном статусе, чтобы сохранить позиции лидера и на следующем этапе литературного процесса. Добиваясь от «Аполлона» признания, Брюсов убеждается и в том, что остается важен не только для уже уходящей среды символистов, но и для новых литературных объединений.

Подобный поворот дела полностью устраивал редакцию «Аполлона», и Маковский также переходит от заверений в сочувствии к символистам к полному признанию значимости исключительно Брюсова: «Вы знаете, как я дорожу Вашим участием в “Аполлоне”; это участие на будущий 1911 год представлялось мне особенно деятельным, т. к. по моему глубокому убеждению именно Вы и только Вы могли бы дать “Аполлону” то, чему его пока недостает»²⁵, — пишет редактор Брюсову 16 июля 1910 года. Слова Маковского вскоре были подкреплены делом. И статья В. Брюсова «О “речи рабской” в защиту поэзии», официально обозначившая раскол в символистской среде, выходит именно на страницах «Аполлона»²⁶. И вплоть до манифестов акмеизма, вышедших в январской книжке за 1913 год, Брюсов остается активным сотрудником журнала.

Помещая в журнале противоположные мнения о символизме, Маковский провоцирует появление полемики. Однако сложившаяся скандальная ситуация была не столько опасна, сколько выгодна «Аполлону», так как журнал ока-

²⁵ Письмо С. Маковского к В. Брюсову от 16 июля 1910 г. // РГБ. Ф. 386. Карт. 97. Ед. хр. 27. Л. 6.

²⁶ Брюсов В. О «речи рабской» в защиту поэзии // Аполлон. 1910. № 9. С. 31–34.

зывался в самом эпицентре литературной жизни. В свете этого история со статьей Чулкова, при всем невинном тоне ответчиков могла вполне оказаться если не удачно спланированной акцией журнала, то вовремя подвернувшимся случаем, которым воспользовалась «молодая редакция».

По мере того, как Брюсов, наконец, становится «своим» для «Аполлона», поведение многих его участников существенно меняется. Так, например, выясняется, что Гумилев читает не только поэтические статьи до выхода журнала, о чем он теперь восторженно сам сообщает Брюсову: «Ваша последняя статья в “Весех” (т. е. в “Аполлоне”. — А. Ч.) очень покорила меня, как, впрочем, и всю редакцию. С теоретической частью ее я согласен вполне, также и полемической, когда дело идет о Вячеславе Ивановиче»²⁷.

Когда инцидент с Чулковым и Брюсовым был исчерпан, Маковский стал вести более осмотрительную политику и старался лишний раз не провоцировать Брюсова, поэтому запаздывающие статьи о «Весех» Гумилева и Кузмина он сопровождает следующим комментарием в письме к Зноско-Боровскому: «Если не будет статьи о “Золотом Руне” — не беда. Об идеологии “Весов” очень нужна была бы статья. Но я совершенно не знаю, кто бы мог ее написать. Впрочем, достаточно пока статей Кузмина и Гумилева. Но будут ли они?»²⁸. И через два дня уже настаивает: «Скоро ли я получу корректуру статей Кузмина и Гумилева о “Весех”? Они меня чрезвычайно интересуют»²⁹.

Гумилев и Кузмин на этот раз не подвели, и их статьи, опубликованные в № 9 за 1910 год, были выдержаны в подобающем почтительном тоне. Заметка бар. Врангеля о художественном отделе «Весов» вышла в следующем номере.

²⁷ Переписка с Н. С. Гумилевым. С. 500.

²⁸ Письмо С. Маковского к Е. Зноско-Боровскому // РНБ. Ф. 124. Ед. хр. 2645. Л. 13 об.

²⁹ Там же. Л. 14–14 об.

Составляя книгу воспоминаний «Годы странствий» (1930), Г. Чулков включил туда и свой отзыв о «Весях»³⁰. Текст рецензии не был существенно изменен, за исключением значительного сокращения последнего абзаца³¹. Примечательно, что даже через двадцать лет после описанных событий, когда уже почти не осталось их участников, Чулков все же предпочел убрать самый острополемический фрагмент, видимо, храня в памяти все коллизии, развернувшиеся вокруг него и рецензии в целом³².

Эпизод со статьей Чулкова, получивший значительный резонанс, оказался таким большей частью волей обстоятельств. В любой другой период показавшаяся бы просто неприятностью, заметка обозначила практически переломный момент в истории соотношения символизма и постсимволизма. Меняющееся поведение участников конфликта при этом чрезвычайно показательно. Авторитетный Брюсов, чувствуя ослабление старой школы, смягчается и идет навстречу «Аполлону»; еще совсем юный, но иногда дерзкий журнал, начиная с оправданий, заканчивает мягким, но принципиальным отказом изменить свою позицию. На этом примере наглядно видно, как «Аполлон» становится центральным журналом литературной общественности 1910-х годов и как символизм сменяется новой культурной эпохой.

³⁰ Чулков Г. И. «Весы» // Чулков Г. И. Годы странствий. М., 1930. С. 192–198.

³¹ Полный текст абзаца см. в Приложении. Фрагмент его приведен в примеч. 5.

³² В Приложении текст статьи Г. Чулкова печатается по первой публикации: Аполлон. 1910. № 7. С. 15–20.

Приложение

ВЕСЫ

Георгий Чулков

I

Влюбленная Аглая накануне вечера, когда Льва Николаевича должны были представить «свету», умоляла смущенного князя не говорить «о чем-нибудь вроде смертной казни», или «об экономическом состоянии России» или о том, что «мир спасет красота»... Не забыла она также предупредить князя, чтобы он не разбил драгоценной вазы, которая была так дорога генеральше... Но «идиот», конечно, заговорил о самом важном и значительном и, конечно, разбил китайскую вазу... Таков жребий исконных русских людей: мы не умеем вести салонные разговоры. Не умеем носить маски и в странной рассеянности разбиваем порой драгоценные безделушки. И чем исконнее русский человек, чем крепче связан он с полями нашими, тем он утрюмее, тяжелее и серьезнее. И наше искусство, наша литература всегда возникали и развивались, обретая в борьбе свое право. Художники были взыскательны не столько к своему мастерству, сколько к самим себе, своей сущности и мечтали быть не столько «веселыми ремесленниками», сколько учителями жизни или, по крайней мере, ее судьями. Моральные и религиозные интересы преобладали над интересами чистого искусства, наивного и слепого.

Одиннадцать лет тому назад кружок А. Н. Бенуа, С. П. Дягилева и друзей их взяли на себя неблагодарную по тому времени роль защитника свободного искусства, но даже в «Мире Искусства» печатались из номера в номер философические размышления Мережковского, Минского, Льва Шестова, столь далекие от аполлоновской солнечности и столь близкие глубокомыслию и мрачности «бунтующего христианина» Достоевского. Однако и этот «обезвреженный эстетизм» «Мира Искусства» показался опасным. В 1903 году наши правдоискатели основали «Новый Путь». И кто-то, кажется, Антон Крайний, горевал на страницах нового журнала по поводу того, что редакция «Мира Искусства»

среди рассуждений Д. С. Мережковского поместила зловещие и соблазнительные рисунки Бирдслея...

«Весы» возникли в год закрытия «Нового Пути». Это было шесть лет тому назад. В иные эпохи шесть лет — такой малый срок. Но мы, русские, от 1904 до 1909 года были свидетелями таких событий и пережили столько волнений, что, оглядываясь назад, невольно смущаешься и думаешь: «Боже мой! Как сложна и трудна жизнь. На каких путях мы стояли и куда пришли. И на кого падет ответственность за все ошибки, падения и преступления наши?» И вот в эти бурные дни, когда демоны войны и революции вели свои хороводы, когда мы кровно узнали, что значит «переоценка ценностей», в эти дни пришлось московским декадентам отправиться в открытое море на утлом челне. По счастью, у «Весов» был хороший кормчий — Валерий Брюсов. Взяв кормило в свои сильные руки, он сделал лирическое признание *Urbi et orbi*:

Неколебимой истине
Не верю я давно.
И все моря, все пристани
Люблю, люблю равно.

Хочу, чтоб всюду плавала
Свободная ладья,
И Господа, и Дьявола
Хочу прославить я.

Это воистину «лирическое» признание поэта сделалось лейтмотивом московского журнала. И «Весы» первого периода (а в истории «Весов» необходимо различать два периода) стали органом Валерия Брюсова. И слава Богу, что так случилось. По крайней мере, у нас в течение двух-трех лет был журнал, если не с определенным лицом, то, во всяком случае, с определенной физиономией. А ведь такой журнал почти живое существо, почти человек.

Я затрудняюсь говорить о программе «Весов» и об идеях руководителя журнала. По-видимому, когда журнал начинался, основатели его сами еще окончательно не решили, куда они пойдут и что будут проповедовать. Они ограничились заявлением,

что «Весы» избирают для себя внешними образцами такие издания, как английский *Athenaeum*, французский *Mercure de France*, немецкое *Literarisches Echo*... В программной статье «Ключи тайн» нельзя было найти ничего существенно нового. Ее автор, Валерий Брюсов, старался обосновать свою эстетику отчасти на учении Потебни, отчасти на теориях французских символистов. И, кажется, не смущался таким эклектизмом... Но, право, неприлично требовать от поэта научного педантизма и строгого метода. Я упомянул о программе «Весов», следуя литературным традициям, но, признаюсь, журналы и люди определяются для меня не столько идеями и теориями, сколько их дарованием, темпераментом, их подсознательной природой, если угодно.

Иной жест говорит больше нашему сердцу, чем потоки умных слов и солидный научный аппарат. А у руководителей «Весов» (говорю без иронии), если и не было настоящей учености, зато был тот фаустовский жест, который мог иных пленить, иных раздражить, а иных развлечь в часы уныния и сплина. Но, главное, журнал «Весы» был целен не идейно, конечно, а эстетически, ибо, даже не веруя в «неколебимую истину», можно оставаться верным самому себе.

В течение двух-трех лет каждая книжка «Весов» была как бы новым портретом одного и того же лица. Вот новое освещение, вот новый поворот лица. Но все это — одна и та же физиономия нашего старого знакомого, этого московского денди, которого мы так хорошо знаем. Мы привыкли к его прическе, к его несколько натянутой позе; мы привыкли к его парадоксальной речи, которую провинциалы до сих пор слушают, разиня рот; мы привыкли к его парнасской декламации и к его гримасе мэтра.

Журнал и человек сливаются для меня в один образ. Это — русский стихотворец конца XIX века. Он уже не хочет быть «интеллигентом». Он свободен от политики, ему дорога литература, только литература, он — пушкинианец прежде всего. Но кроме того ему хочется быть завоевателем новых стран. Ему нравится война эстетических школ и смена направлений в искусстве. Его забавляют манифесты «натюризма», «гуманизма» и «интегрализма»... Ему хочется быть таинственным: он любит, чтобы ученики называли его «магом», и он занимается французским оккультизмом, невинным салонным оккультизмом.

Может быть, я ошибаюсь, и такого человека совсем нет, но передо мной неизбежно возникает эта маска, когда я просматриваю книжки «Весов» за 1904–1906 годы...

II

Я пишу некролог «Весов». Забуду ли серьезные заслуги этого журнала? В «Весых» принимали участие Бальмонт, Блок, Вяч. Иванов, Д. Мережковский, Ф. Сологуб... Эти имена красноречивы. Правда, все эти писатели были представлены более ярко в «Мире Искусства», «Новом Пути» и «Вопросах Жизни», но зато «Весы» по справедливости могут гордиться тем, что на их страницах впервые напечатался Кузмин.

Теперь я позволю себе сказать несколько слов о судьбе «Весов» после 1906 года. Кто-то остроумно заметил, что надо обладать немалым талантом, чтобы создать настоящий журнал, но не меньший талант нужен для того, чтобы суметь вовремя его закрыть. Злой жребий выпал на долю «Весов» после 1906 года. По-видимому, утомленный кормчий бросил челн на произвол судьбы, и бедные юнги пустились в открытое море «без руля и без ветрил».

В то время на улицах шумела революция, но, быть может, более глубокая революция совершалась в наших сердцах. На устах наших «исконных» людей были лозунги и формулы освободительных доктрин, созданных европейской культурой, мы от чистого сердца хотели принять общественные формы Запада, но появление наше на общеевропейской арене было также странно и фантастично, как появление князя в салоне генеральши Епанчиной. Мы неожиданно заговорили о самом значительном, и заговорили как-то слишком требовательно и уверенно, как бы заранее отказываясь от компромисса. Мы, как дети, не мирились с половиною истины и требовали, как Брант, — «все или ничего». И кто же, как не символисты, крикнули безумные слова о «последней свободе» и о том, что «красота спасет мир»? Конечно, каждый из нас размахивал при этом руками и потом стоял, сконфуженный, над осколками драгоценной вазы...

Но как ни безумны были наши утверждения на поверхностный взгляд, и как ни странны, быть может, иные жертвы наши,

все же нам не приходится отказываться от тех истин, которые мы исповедовали. И надо сознаться, что переживания, заставившие некоторых из нас торопливо произнести слово о «последней свободе», были совершенно чужды истерике... И если мы были больны, то больны по-иному. Мы не потеряли чувство ритма и гармонии, и это спасло нас от смешных слез и неприятного смеха... Может быть, нас избавил от этого строгий и умный дух Петербурга; может быть, мы обязаны иному влиянию... Но во всяком случае идейная буря и новый опыт не заставили нас забыть о правах чистого искусства и о правде символизма.

Что делал в это время московский журнал? События застали «Весы» врасплох. Руководители журнала, покинутые вождем, не сумели продолжать бесстрастно свое полезное литературное дело, оградив себя от идейной волны, им по существу чуждой. Нет, они вмешались в эту борьбу и внесли в нее всю хаотичность своей психологии и весь недуг истерики...

Что такое истерика? Наука определяет это душевное явление прежде всего, как легкую внушаемость. Субъект истерический поддается, не сопротивляясь, каждому мимолетному влиянию. Отсюда противоречия в его настроении и, следовательно, потеря чувства гармонии. Это — тема, конечно, не только медицинская. За внешним фактом физиологической слабости и психологического ущерба таится иное начало, угрожающее культуре. Первоначальный деятельный акт может войти в ряд положительных творческих свершений лишь при сохранении принципа ритма в движении. Истерический субъект похож на скрипача, который на такт или на два отстал от оркестра. Общий мировой ритм для него не обязателен. Истерика и искусство — два непримиримых врага. Цель искусства — раскрытие в мире ритма — исключает оправдание истерики. И когда Бодлер признается, что он «культивирует свою истерию», мы, конечно, понимаем, что Бодлер под истерикой понимает совсем не то, что разумеет мы. Бодлер никогда «не терял головы»: paradis artificiels³³ были для поэта лишь опытом, над которым он был властен. Бодлер оставался дэнди и рыцарем, а субъект истеричный — прежде всего не рыцарь...

³³ Искусственный рай (фр.). — Ред.

Книжки «Весов» за последние два-три года — любопытный документ, из которого мы узнаем, между прочим, чем характеризовалась русская истерика начала XX века. Пересмотрите журнал за эти годы: сколько странных противоречий, смешных восклицаний, сколько бессильной и неумной полемики... Каждый из эпигонов хотел быть *plus royaliste que le roi*³⁴, но то, что было к лицу Брюсову, им было не к лицу и казалось, в лучшем случае, «ребяческим развратом»... Но лучше не вспоминать этих журнальных злоключений, ибо о мертвых надо хорошо говорить или совсем не говорить. Журнал находит себя, свое место в культуре, или благодаря творчеству отдельной значительной личности, или благодаря идейному единству или программной строгости. Пока чувствовалось влияние Брюсова, «Весы» были «Весами». С тех пор, как влияние Брюсова стало незаметным; с тех пор, как вместо живого человека, с кровью и плотью, в журнале стали появляться фантомы, повторяющие мертвыми устами мертвые формулы, — журнал перестал быть интересным и значительным; не было уже ни живой личности, ни идейной целостности...

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

Чулков 1930 — Чулков Г. Годы странствий: Из книги воспоминаний. М., 1930.

Маковский — Брюсову 16.07.1910 — Письмо С. Маковского к В. Брюсову от 16 июля 1910 г. // РГБ. Ф. 386. Карт. 97. Ед. хр. 27. Л. 6–7.

ПРИМЕЧАНИЯ

- С. 25. *Влюбленная Аглая...* — В рецензии Г. Чулков проводит сопоставление поведения героев романа Ф. М. Достоевского «Идиот» (ч. IV, гл. 6), в частности, кн. Мышкина с сотрудниками «Весов». Выведенная параллель с кн. Мышкиным, по утверждению С. Маковского, смягчает финал статьи, особенно пассаж об истерике, вводимый в финале автором (Маковский — Брюсову 16.07.1910).

³⁴ Большой роялист, чем сам король (*фр.*). — *Ред.*

Одиннадцать лет тому назад... — Ср. с высокой оценкой деятельности «Мира искусства», сделанной Чулковым в главе «Кризис декадентства»: «“Мир искусства” был в положении бронепоезда, ворвавшегося в стан врагов, причем враги были нередко на духовном уровне дикарей. Кроме пращей и камней у литературных дикарей не было другого оружия, но численность их была опасна для малой фаланги смельчаков. И все-таки “Мир искусства” победил. Мы теперь справедливо критикуем аристократический эстетизм дягилевской компании, стилизованный историзм петербургских художников, и нам легко перечислить с укоризною грехи тогдашних борцов за новое художественное слово, но нам не следует забывать, что тогда дело шло не столько о новой школе живописи, сколько о спасении вообще искусства, ибо тогда варварски были растоптаны великие художественные ценности» (Чулков 1930).

- С. 25. ...*Антон Крайний, горевал... зловещие и соблазнительные рисунки Бердслея...* — См. статью «О Силэне из “Мира Искусства”»: «Когда появилось заключение к статье Мережковского “Л. Толстой и Достоевский”, как-то так случилось, что по тем же самым страницам, где говорится о самом, по-видимому, для автора святом и страшном — о Христе, о конце мира, — прогуливались зловещие фигуры Бердсли... Жена-блудница в виде современной английской Мессалины пробирается в лупанар... Кривляются чудовищные полулюди-полубесы... Не была ли эта случайность — символической и даже пророческой?» (Новый путь. 1903. № 2. С. 198).
- С. 26. *Неколебимой истине...* — Начало одноименного стихотворения (1901) из цикла «Антология» сборника «Urbi et orbi» (1903).
- С. 27. «*Athenaeum*» — литературно-художественный журнал, издававшийся в Великобритании с 1826 по 1921 г.
 «*Mercure de France*» — старейший французский журнал, выходящий с перерывами начиная с 1672 г. С 1890-х гг. одним из основных приоритетов для его обзоров становятся модернистские тенденции в литературе.
 «*Literarische Echo*» — литературно-художественный немецкий журнал, издававшийся с 1898 по 1944 г.
В программной статье «Ключи тайн»... — См.: Весы. 1904. № 1. С. 3–21.
 ...у руководителей «Весов»... — «Я мог только настаивать на том, чтобы никто из его бывших “обидчиков” не был назван.

И действительно, он никого не назвал, хотя укоры его очевидно направлены против Ант. Крайнего, А. Белого и др., жестко расправившихся с ним несколько лет назад» (Маковский — Брюсову 16.07.1910).

- С. 27. ...*был тот фаустовский жест...* — Здесь, возможно, содержится отсылка к мнению, высказанному в статье «Фауст и мелкий бес» (Речь. 1908. 8 дек., № 301), где Чулков сопоставлял напечатанного в «Весах» «Огненного ангела» Брюсова с «Фаустом» И. Гете и К. Марло: «“Фауст” Марло — “Фауст” Гете — “Фауст” Брюсова — это звучало бы недурно, если бы роковая неудача не постигла нашего современника. Мефистофелес Брюсова как-то потускнел, поглупел и стал неожиданно Мелким бесом самого малого ранга».

...*к его несколько натянутой позе...* — Характерная брюсовская поза запечатлена на его на портрете, работы М. Врубеля (1906). В статьях современников ее описание встречается очень часто. Например, у А. Белого в статье «Поэт мрамора и бронзы»: «Когда я вспоминаю образ В. Брюсова, этот образ неизменно предстает мне со сложенными руками. Застывший, серьезный, строгий, стоит одиноко Валерий Брюсов среди современной пляски декаданса» (*Белый А. Поэт мрамора и бронзы // Раннее утро. 1907. 19 дек.*). См. также первое впечатление М. Волошина: «Среди этой толпы, в которой каждая фигура казалась мне страницей истории, поразило меня лицо молодого человека, мне неизвестного. Он не принимал никакого участия в прениях. Стоял скрестив руки и подняв лицо. Был застегнут узко и плотно в сюртук» (*Волошин М. Валерий Брюсов. Пути и перепутья // Русь. 1907. 29 дек.*).

Это — русский стихотворец конца XIX века. — «Избрав метафизический способ изложения — чтобы не называть имен — Г. И. не удержался и от других, уже совсем добродушных намеков. СобираТЕЛЬНЫЙ тип “стихотворца конца XIX века”, конечно, должен напоминать о Вашем влиянии, Валерий Яковлевич, на молодое поколение поэтов» (Маковский — Брюсову 16.07.1910).

...*он — пушкинианец прежде всего.* — Помимо критических статей о литературном процессе 1900-х гг., Брюсову принадлежит и ряд пушкиноведческих очерков: «Из мелочей о Пушкине» (Новый путь. 1903. № 1); «Материалы для академического издания соч. Пушкина. Собрал Л. Н. Майков. СПб., 1902» (Новый путь. 1903. № 2), «Из жизни Пушкина» (Новый путь. 1903. № 6), «Пушкин. Рана его совести» (Русский архив. 1903. № 7) и т. д. Ср.

также ироничное замечание Чулкова о стремлении редакции «Весов» сопоставить Брюсова с Пушкиным: «Иные услужливые сотрудники «Весов» пересолили, правда, в своем чрезвычайном усердии и стали непристойно превозносить своего вожда, уверяя легковверных, что Брюсов — второй Пушкин. Вероятно, Брюсов почувствовал бестактность этих льстецов и под конец старался освободиться от них, но выбраться из этого болота было не так-то легко» (Чулков 1930). Подразумеваются статьи А. Белого «Апокалипсис в русской поэзии» (Весы. 1905. № 4. С. 11–28) и «В. Брюсов (Силуэт)» (Свободная молва. 1908. 21 янв., № 1).

- С. 27. *Натюрлизм* — литературное течение, возникшее во Франции как реакция на символизм. Главный идеолог — Сен-Жорж де Буэль (Bouhéliier), противопоставивший в своем манифесте (1897) красоту природы и реальной жизни (натюрлизм) против культа нереального и искусственного (символизма).

Гуманизм — литературное течение, близкое к натюризму. В своем манифесте (1902) поэт и критик Фернан Грег заявлял: «После школы “красоты для красоты”, после школы “красоты для мечты” настало время учредить школу красоты для жизни. Мы не изгоняем символов, но пусть они будут ясными...». В 1913 г. сопоставление гуманизма и акмеизма провел Б. Эйхенбаум: *Б. Эйхенбаум*. Искусство и литература. Memento // Русская молва. 1913. 31 мая, № 167. С. 5.

Интегрализм (интегризм) — Заглавие статьи (1902 г.) и следующий постсимволистский лозунг Фернана Грега. Интегризм также требовал от искусства достижения утраченной целостности мировосприятия.

...он любит, чтобы ученики называли его «магом»... невинным салонным оккультизмом. — Маковский полагал, что «салонный оккультизм» — относится к Волошину» (Маковский — Брюсову 16.07.1910). Однако в мемуарах Чулкова о Брюсове содержится весьма схожий фрагмент, связывающий мэтра символизма с «салонным оккультизмом»: «Соратники Брюсова по “Весам” любили его называть магом. <...> При этом Брюсов думал, что можно удачно сочетать оккультные знания и научный метод. <...> Мне, признаюсь, его занятия оккультизмом никогда не представлялись серьезными и значительными. <...> Дальше литературного и салонного оккультного экспериментализма у него дело не шло. В этом было даже что-то ребяческое» (Чулков 1930).

- С. 28. ...на их страницах впервые напечатался Кузмин. — В «Весях» состоялся литературный (журнальный) дебют М. Кузмина: в № 7 за 1906 г. были напечатаны 11 стихотворений из поэтического цикла «Александрийские песни», в № 11 за 1906 г. — повесть «Крылья».

...требовали, как Бранд, — «все или ничего». — Чулков проводит параллель с главным героем одноименной пьесы Г. Ибсена (1865). «Все или ничего» — девиз, под которым живет священник Бранд, стремящийся поступать в жизни по совести, но не приветствуя компромиссы. Приверженность к столь радикальной жизненной позиции приводит к ряду печальных последствий, в результате чего герой в финале пьесы сходит с ума и погибает. При перепечатке в книге «Годы странствий» сопоставление с Брандом было удалено из текста.

- С. 29. ...весь недуг истерики... — пытаюсь смягчить финал рецензии, Маковский в письме к Брюсову настаивал как на своей непричастности к нему, так и на том, что «истерика» понимается автором весьма «невинно»: «Я не мог помешать ему коснуться и того явления, которое он называет в конце концов невинным словом “истерика” (а параллель с кн. Мышкиным еще смягчает это выражение)» (Маковский — Брюсову 16.07.1910).

Первоначальный деятельный акт... ритма в движении — в издании 1930 г. Чулков дополняет этот фрагмент, указывая источник: «Так, первоначальный деятельный акт, который Бергсон называет жизненным порывом (*élan vital*), может войти в ряд положительных творческих свершений лишь при сохранении принципа ритма в движении» (Чулков 1930).

Бодлер признается, что он «культивирует свою истерию»... — См. дневниковую запись Бодлера 1862 г.: «Я культивировал свою истерию с наслаждением и ужасом». Под истерией Бодлер подразумевал пристрастие к опиуму.

...*paradis artificiels* — «Paradis artificiels» («Искусственный рай», 1860) — сборник эссе Бодлера, посвященных описанию собственного опыта употребления алкоголя и наркотиков и их влиянию на сознание поэта и его творчество.

...*субъект истеричный* — прежде всего не рыцарь. — По утверждению Маковского, фраза «не рыцарь» указывала на Антона Крайнего (то есть З. Гиппиус) (Маковский — Брюсову 16.07.1910).